МОГИЛЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяцъ: 1, 11 и 21 чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб., полугодовому—2 руб. 50 коп.

№ 7.

Подписка принимается въ редакціи «Епархіальныхъ Вѣдомостей», при Могилевской духовной семинаріи.

1 марта Годъ III. 1885 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 31-го января—11-го февраля 1885 года, за № 28, о воспрещеніи нехристіанамъ изготовлять предметы чествованія христіанъ и торговать таковыми.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24-го января 1885 г., за № 382, слѣдующаго содержанія: Согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 23-го ноября—21-го декабря 1883 г., имъ, г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, внесено было въ Государственный Совѣтъ представленіе о дополненіи закона 20-го апрѣля 1882 г. правиломъ касательно воспрещенія нехристіанамъ производства вещей, составляющихъ предметъ чествованія христіанъ. Нынѣ государственный секретарь препроводилъ выписку изъ журналовъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи 17-го ноября и общаго собранія 27-го декабря 1884 г., изъ коей видно, что Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ означенное представленіе, мнѣніемъ положилъ: I. Дополненіе къ статьѣ 107 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (св. зак. т. XIV, кн. III, по прод. 1883 г.)

замѣнить слѣдующимъ правиломъ: «Лицамъ нехристіанскихъ вѣроученій воспрещается писаніе иконъ, изготовленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, равно какъ всякая вообще торговля всѣми означенными предметами». II. Въ дополненіе устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, постановить: «за писаніе иконъ, изготовленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, а также за торговлю такими предметами, лица нехристіанскихъ вѣроученій, сверхъ отобранія всѣхъ найденныхъ у нихъ предметовъ означеннаго рода, подвергаются денежному взысканію не свыше *пятидесяти* рублей». Таковое мнѣніе Государственнаго Совѣта Его Императорское Величество Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. И, по справкѣ, приказали: Объ изъясненномъ въ настоящемъ предложеніи Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта относительно воспрещенія нехристіанамъ изготовлять предметы чествованія христіанъ и торговать таковыми предметами сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника» по принятому порядку для напечатанія.

II.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Преподаніе Архипастырскаго благословенія и объявленіе признательности Епархіальнаго Начальства.

Вслѣдствіе рапорта Климовичскаго 3 округа Благочиннаго, священника Чоловскаго, отъ 19 истекшаго января, за № 44, Духовная Консисторія, согласно постановленію своему 31 того же января состоявшемуся и Его Преосвященствомъ утвержденному, священнику Мстиславской соборной церкви Михаилу *Павловичу* объявляетъ Архипастырское благословеніе и признательность Епархіальнаго Начальства за сдѣланное имъ въ Бѣлынковичскую, Климовичскаго уѣзда, церковь—пожертвованіе въ 800 руб.

Награжденіе набедренникомъ

Священникъ Громыкской церкви, Рогачевскаго уѣзда, Іоаннъ *Карножицкій*, 17-го февраля Его Преосвященствомъ награжденъ набедренникомъ.

Перемѣны по службѣ.

По опредѣленію Епархіальнаго Начальства отъ 22 февраля, кандитатъ помощника Благочиннаго 2-го округа, Чериковскаго уѣзда, священникъ Полоницкой церкви Василій *Бржезинскій* назначенъ помощникомъ Благочиннаго, а кандидатомъ помощника Благочиннаго назначенъ священникъ Кричевской Параскевинской церкви Павелъ *Голодковскій*.

— Настоятель Шаринской церкви, священникъ Матѳей *Гинко*, заявившій въ своемъ прошеніи, что даже худшее въ Могилевѣ священническое мѣсто, ради воспитанія дѣтей, будетъ для него большою милостію со стороны Епархіальнаго Начальства, и вслѣдствіе этого перемѣщенный на открывшуюся вакансію помощника настоятеля при Могилево-градской Вознесенской церкви,—согласно вновь поданному имъ прошенію, по утвержденному Его Преосвященствомъ 20 февраля опредѣленію Духовной Консисторіи, не въ примѣръ прочимъ, оставленъ на прежнемъ мѣстѣ, съ оштрафованіемъ его, за неосновательное и необдуманное ходатайство, десятью рублями въ пользу Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

— Резолюціею Его Преосвященства отъ 24 февраля, настоятель Терюхской церкви, Гомельскаго уѣзда, священникъ Іаковъ *Трусевичъ*, согласно его прошенію, перемѣщенъ къ Могилево-градской Покровско-Вознесенской церкви, на вакансію помощника настоятеля.

— Резолюціею Его Преосвященства отъ 28-го февраля, учитель Оршанскаго духовнаго училища, студентъ Василій *Цитовичъ* назначенъ на настоятельское мѣсто при Палужской церкви, Чериковскаго уѣзда.

— Помощникъ настоятеля Добросельской церкви, Чериковскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Поповъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 25 февраля, перемѣщенъ настоятелемъ къ Волчасской церкви, того же уѣзда.

— Псаломщикъ Рогачевской Александро-Невской церкви Василій *Клиндуховъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 24 февраля, назначенъ на мѣсто помощника настоятеля при Шкловской Троицкой церкви.

— Законоучитель Могилевской мужской гимназіи, протоіерей Стефанъ *Гласко*, скончался 22-го числа минувшаго февраля мѣсяца.

— Священникъ Сокольнянской церкви, Оршанскаго уѣзда, Ѳома *Тарновскій,* скончался 16 февраля.

— И. д. псаломщика Бастеновичской церкви, Чериковскаго уѣзда, Максимъ *Шимковичъ,* скончался 11 февраля.

Вакантныя мѣста.

Въ настоящее время состоятъ вакантными мѣста: а) *настоятелей*—при церквахъ: *Словенской,* Горецкаго уѣзда, *Красовичской,* Чериковскаго уѣзда, *Радугской, Азаричской* и *Терюхской,* Гомельскаго уѣзда, и *Сокольнянской,* Оршанскаго уѣзда; б) *помощниковъ настоятелей*—при церквахъ: *Косеничской,* Сѣнненскаго уѣзда, *Глушковской,* Климовичскаго уѣзда, *Ново-Быховской,* Быховскаго уѣзда, и *Добросельской,* Чериковскаго уѣзда, и в) *псаломщиковъ*—при церквахъ: *Рогачевской* Александро-Невской, *Грабовской,* Гомельскаго уѣзда, *Бастеновичской,* Чериковскаго уѣзда, и *Городецкой,* Быховскаго уѣзда.

ПЕРЕЧНЕВАЯ ВѢДОМОСТЬ

о движеніи дѣлъ и бумагъ по канцеляріи Консисторіи съ 1-го января по 1-е февраля 1885 года.

	Осталось къ 1-му января.	Въ январѣ мѣсяцѣ поступило.	Движеніе въ январѣ мѣсяцѣ. Принято къ свѣдѣнію.	Рѣшено.	Не рѣшено.
По канцеляріи Консисторіи	2	1107	533	574	— 2

СОДЕРЖАНІЕ ОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Опредѣленіе Св. Синода.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія. — Перечневая вѣдомость о движеніи дѣлъ и бумагъ по канцеляріи Консисторіи съ 1-го января по 1-е февраля 1885 г.

Редакторъ *Д. Тихомировъ.*

Дозв. цензурою. 1885 г. 1 марта. Ректоръ семинаріи, *Архимандритъ Сергій.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.

МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 марта № 7. 1885 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО О ХЛѢБѢ НЕБЕСНОМЪ.

Іоан. 6, 22—71; 7, 1.

(Окончаніе).*

«Сей-то есть хлѣбъ, сшедшій съ небесъ. Не такъ, какъ отцы ваши ѣли манну, и умерли: ядущій хлѣбъ сей жить будетъ во вѣкъ.» Такъ заключилъ Господь Іисусъ Христосъ Свое слово о хлѣбѣ небесномъ, давая разумѣть, что хлѣбъ, о которомъ говорилъ Онъ выше, есть именно плоть и кровь Его,—весь Христосъ, какъ Богочеловѣкъ, приносящій Себя въ жертву за грѣхи всего міра, и дающій Себя человѣку въ снѣдь для того, чтобы онъ чрезъ то сталъ причастникомъ божественной, вѣчно-блаженной жизни.— И это есть знакъ самой сильной любви. На это указывалъ и Іовъ, когда говорилъ о своихъ домочадцахъ, что они такъ сильно любили его, что желали сростись съ его плотію, и, желая выразить свою великую любовь къ нему, говорили: «о, если бы мы отъ плоти его насытились (Іов. 31, 31)!» Съ этою же цѣлію такъ поступилъ и Христосъ: чтобы ввести людей въ большее содружество съ Собою и показать Свою любовь къ нимъ, Онъ далъ желающимъ не только видѣть Его, но и осязать, и касаться зубами плоти Его и соединяться съ Нимъ, и насыщать Имъ всякое желаніе [1]. Посему-то и въ заключеніе Своего слова о хлѣбѣ небесномъ, Христосъ Спаситель на-

---

* См. №№ 5 и 6.

[1] Св. Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 2, стр. 145.

помнилъ іудеямъ, что это дѣло—даяніе роду человѣческому плоти и крови Христовой, для вѣчной жизни, несравненно выше того даянія манны небесной, на которое іудеи прежде указывали, и желали видѣть подобное отъ Іисуса Христа. Онъ непрестанно повторялъ имъ одно и то же, чтобы напечатлѣть это въ ихъ душѣ,—такъ какъ ученіе объ этомъ было почти послѣднее, и чтобы утвердить вѣру въ истину воскресенія и жизни вѣчной. О маннѣ же часто упоминалъ для того, чтобы не только показать различіе между ею и небеснымъ хлѣбомъ, но и привесть ихъ къ вѣрѣ въ таинство причащенія. Ибо если въ ветхозавѣтное время, силою Господнею, можно было питаться людямъ безъ жатвы и сѣянія въ теченіе сорока лѣтъ, и жизнь ихъ поддерживалась манною; то тѣмъ болѣе это возможно теперь, когда Господь пришелъ совершить большія дѣла: Онъ подкрѣпитъ разумную жизнь людей лучшимъ хлѣбомъ—плотію Своею, образовавшеюся изъ земли Дѣвы, безъ сѣянія мужа [1],—наитіемъ Духа Святаго. Христосъ Спаситель часто упоминаетъ о жизни, потому что жизнь вожделѣнна для людей, и ничто такъ не можетъ быть пріятно, какъ не умирать. И въ ветхомъ завѣтѣ было обѣщаніе долговѣчности и многолѣтія; но теперь обѣщается жизнь, конца не имѣющая. Господь Іисусъ Христосъ хочетъ показать, что Онъ отмѣняетъ наказаніе, бывшее слѣдствіемъ грѣха,—уничтожаетъ тотъ смертный приговоръ, и, вопреки прежнему опредѣленію, вводитъ не просто жизнь, но жизнь вѣчную [2].

Сіе слово говорилъ Іисусъ Христосъ въ синагогѣ, чтобы показать, что Онъ не противникъ читаемому здѣсь закону,—уча въ Капернаумѣ, гдѣ Онъ совершилъ много чудесъ, и гдѣ поэтому Его должны были слушать съ особеннымъ вниманіемъ [3].

Многіе изъ учениковъ Его, слыша то, чему Онъ училъ о Себѣ, какъ о Хлѣбѣ жизни, сшедшемъ съ неба, и въ особенности о томъ, что необходимо ѣсть плоть Его и пить кровь Его, чтобы получить жизнь,—говорили: «Какія странныя слова! Кто можетъ это слушать» спокойно, не соблазняясь?—Такъ говорили тѣ ученики Его, которые назывались этимъ именемъ только по сравненію съ народомъ, потому что проводили при Немъ болѣе времени, чѣмъ

[1] Блаж. Өеофил., Благов. ч. 4, стр. 170.

[2] Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 2, стр. 153, 154.

[3] Блаж. Өеофил., Благов. ч. 4, стр. 171.—Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 2, стр. 154.

народъ,—ходили за Нимъ и слушали Его ученіе; но въ сравненіи съ истинными учениками не стоили ничего, такъ какъ вѣрили Ему только на время, отъ скоро охладѣвавшей горячности [1]. Такіе-то ученики находили слова Христовы—странными, собственно жестокими, суровыми, трудными, тягостными, тогда какъ Онъ ничего такого не говорилъ, о чемъ можно было бы это сказать, потому что и бесѣдовалъ не о жизни и дѣятельности, но о догматахъ, часто упоминая о вѣрѣ въ Него, и обѣщая воскресеніе и жизнь,—объяснивъ притомъ, что Онъ сшелъ съ неба, и что нельзя спастись безъ таинственнаго вкушенія плоти Его. Однако все это представлялось тяжелымъ для слуха поколебавшихся въ вѣрѣ, неудобопріемлемымъ,—превышало ихъ немощь и наводило на нихъ великій страхъ, такъ какъ они думали, что Онъ говоритъ нѣчто такое, что выше Его достоинства и далеко превосходитъ Его силы; почему и говорили: «кто можетъ слушать Его?»—желая, можетъ быть, тѣмъ оправдать себя, потому что намѣрены были отстать отъ Него [2]. Но Іисусъ Христосъ, зная Самъ въ Себѣ, безъ посредства другихъ, какъ Сердцевѣдецъ, что такъ называемые ученики Его ропщутъ на то, что они слышали отъ Него, о сшедшемъ съ неба хлѣбѣ жизни,—и особенно о причащеніи плоти и крови Его, и желая показать, что отъ Него, какъ Бога, нимало не укрываются сердечные ихъ помыслы [3], сказалъ имъ:

«Это ли соблазняетъ васъ? Что жъ, если увидите Сына человѣческаго восходящаго туда, гдѣ былъ прежде?»

То есть, не большій ли соблазнъ будетъ для васъ тогда, когда увидите, сшедшаго съ небесъ, вочеловѣчившагося для спасенія людей, Сына Божія, восходящимъ ко Отцу въ славу Свою путемъ крестныхъ страданій и смерти (Лук. 24, 26), за которыми должно послѣдовать воскресеніе и вознесеніе на небо?—Дѣйствительно, Христосъ распятый, хотя и воскресшій изъ мертвыхъ и вознесшійся на небо, для невѣрующихъ іудеевъ всегда былъ соблазномъ (1 Кор. 1, 23. 24). Но причина сего всегда заключалась въ нихъ самихъ,—въ томъ, что они не познали Бога въ премудрости Божіей, во Христѣ (ст. 21. 29. 30), не познали, по причинѣ плотскаго направленія

---

[1] Блаж. Ѳеофил., Благов. ч. 4, стр. 172.
[2] Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 2, стр. 154.
[3] Блаж. Ѳеофил., Благов. ч. 4, стр. 172.

своихъ воззрѣній, при которомъ невозможно уразумѣть силу искупительной жертвы Христовой.

«Духъ животворитъ,» продолжалъ Господь Іисусъ Христосъ, **«плоть не пользуетъ нимало,»** разумѣя здѣсь подъ именемъ духа и плоти—духовное или плотское настроеніе слушателей, тотъ или другой образъ ихъ мыслей и воззрѣній, то или другое направленіе ихъ стремленій и чувствъ. Это значитъ, что высокія истины ученія Христова нужно понимать духовно,—нужно смотрѣть на нихъ очами вѣры, а не чувственно, не плотскими очами, съ одной только видимой стороны. Если кто духовнымъ окомъ вѣры будетъ смотрѣть на принесеніе Богу въ жертву тѣла и крови Христовой, на жертвенникѣ крестномъ, и таинственное пріобщеніе имъ вѣрующихъ; то такое воззрѣніе оживотворитъ душу, приведетъ ее ко Христу и къ жизни вѣчной. Плотское же воззрѣніе, или пониманіе чувственное, когда смотрятъ на предметы просто, поверхностно, и не представляютъ ничего больше, когда судятъ о видимомъ, не прозрѣвая внутренними очами во всѣ тайны его [1],—такое пониманіе не принесетъ никакой пользы, а напротивъ причинитъ величайшій вредъ; потому что при этомъ слова Христовы объ искупительной жертвѣ, и тѣмъ болѣе самый видъ страждущаго Искупителя повергнутъ душу въ соблазнъ и приведутъ къ погибели, а не къ жизни вѣчной.

«Слова, которыя говорю Я вамъ,» сказалъ Христосъ Спаситель въ поясненіе сказаннаго Имъ, **«суть духъ и жизнь;»** Мои слова божественны и духовны, и не заключаютъ въ себѣ ничего плотскаго, и не подлежатъ естественному порядку, но чужды всякаго этого рода необходимости и выше законовъ, дѣйствующихъ на землѣ, и имѣютъ смыслъ другой, особенный. Слова Мои—духъ и жизнь, потому еще, что содержатъ въ себѣ духъ животворящій, который раскрываетъ высшее духовное разумѣніе предметовъ вѣры, и, оживляя вѣру человѣка, приводитъ его къ жизни вѣчной. **«Но,»** присовокупилъ Господь, **«есть изъ васъ нѣкоторые невѣрующіе.»** Такимъ открытіемъ Онъ, по Своему обычаю, придаетъ важность Своимъ словамъ, предрекая будущее и показывая, что Онъ говоритъ все это не потому, чтобы искалъ славы у нихъ, а потому, что заботился объ ихъ благѣ. Притомъ, сказавъ: «есть нѣкоторые изъ

---

[1] Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 2, стр. 157.

вас невѣрующіе,» Онъ исключитъ изъ числа таковыхъ Своихъ вѣрныхъ учениковъ.

Такимъ образомъ, въ отвѣтъ на ропотъ многихъ слушателей, что будто бы странныя слова говоритъ Онъ,—Господь далъ имъ понять, что эти слова странны только для тѣхъ, которые водятся не духомъ и вѣрою, а своимъ плотскимъ, или чувственнымъ разумѣніемъ. Сомнѣваться въ томъ, что Онъ сошелъ съ неба и думать, что Онъ сынъ Іосифа, и спрашивать: «какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть свою?»—было дѣломъ плотскаго слушанія и пониманія, между тѣмъ, какъ все это слѣдовало понимать духовно и таинственно [1]. Но, чтобы такъ понимать, нужно было убѣдиться, что Христосъ есть Сынъ Божій, что Онъ сшелъ съ небесъ и опять взойдетъ туда. При такой вѣрѣ грубое понятіе о яденіи той плоти Христовой, которую слушатели видѣли предъ собою, не могло имѣть мѣста, потому что, по вознесеніи на небо, эта плоть должна была сдѣлаться прославленною и духовною, а слѣдовательно и вкушеніе ея должно быть иное. Божественному Учителю вполнѣ было извѣстно, кто съ какимъ настроеніемъ и образомъ мыслей слушаетъ Его. «Ибо Іисусъ» Христосъ «сначала»,—не изъ долгихъ наблюденій, а съ перваго взгляда на каждаго изъ окружавшихъ Его, «зналъ», кто принадлежитъ къ числу вѣрующихъ и «кто суть невѣрующіе,»—зналъ также, кто предастъ Его, сдѣлавшись какбы главнымъ представителемъ невѣрующихъ. По Своему предвѣдѣнію, какъ Богъ, *знающій все прежде бытія его* (Дан. 13, 42), Онъ напередъ зналъ все, прежде чѣмъ іудеи и соблазнились и возроптали; но не уклонился отъ добровольно принятаго Имъ на Себя домостроительства спасенія людей,—по Своему незлобію терпя и грубость невѣрующихъ и злобу предателя [2].

И сказалъ Господь невѣрующимъ: **«Для того-то и говорилъ Я вамъ,»** чтобы вразумить васъ, **«что никто не можетъ придти ко Мнѣ, если то не дано будетъ ему отъ Отца Моего,»** по мѣрѣ готовности каждаго къ принятію истины. Такъ и по окончаніи Своего слова о хлѣбѣ небесномъ, Господь напомнилъ іудеямъ о Своемъ Отцѣ, убѣждая ихъ считать Бога Отцемъ Его, а не Іо-

[1] Злат., бес. Ев. Іоан., стр. 156, 157.

[2] Блаж. Ѳеофил., Благов. ч. 4, стр. 137.—Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 2, стр. 157, 158.

сифа, и подтверждая, что увѣровать въ Него—дѣло немаловажное. Онъ какбы такъ говоритъ: «не тревожатъ, не смущаютъ Меня невѣрующіе. Я знаю это гораздо прежде, чѣмъ случилось. Знаю, кому Отецъ дадъ увѣровать въ Меня, кто оказался достойнымъ сего небеснаго дара»[1].

Съ сего времени многіе изъ тѣхъ учениковъ Его, которые руководствовались только чувственными представленіями о Христѣ,—отошли отъ Него,—увидѣвъ, что обманулись въ своихъ чувственныхъ ожиданіяхъ, и уже не ходили съ Нимъ.

Итакъ плотское пониманіе словъ Христовыхъ, дѣйствительно, не принесло имъ никакой пользы, или назиданія, и даже послужило во вредъ; потому что, оставивъ Христа, послѣ того, какъ уже были наставлены въ нѣкоторыхъ истинахъ евангельскихъ, они потеряли и ту вѣру, которую имѣли. Между тѣмъ слышанныя ими слова Христовы были для нихъ очень нужны и могли быть весьма полезны. Такъ какъ они, іудеи, настоятельно у Него просили пищи, но пищи тѣлесной, и, воспоминая о маннѣ, которая была ниспосылаема ихъ предкамъ, считали ее чѣмъ-то великимъ; то Онъ и упоминалъ о пищѣ духовной, желая показать, что все то было образомъ и тѣнью, а эта пища есть самая истина вещей (Евр. 10, 1), и—убѣдить ихъ сколько-нибудь уклониться отъ чувственнаго, оставить образъ и тѣнь и обратиться къ истинѣ. Когда же они, оставаясь при мысли, что манна была ниспосылаема съ неба, а чудо надъ хлѣбами было совершено Христомъ на землѣ, домогались пищи, сходящей съ неба, то Господь часто и говорилъ имъ: «Я хлѣбъ, сшедшій съ небесъ, чтобы дать жизнь міру». Наконецъ, Онъ нашелъ благовременнымъ завести рѣчь и о таинствѣ причащенія плоти и крови Его. Но они, будучи не въ силахъ принять ничего сверхъестественнаго, не улучшаются и даже отвращаются, и говорятъ: «слова сіи странны»,—то есть, суровы, неудобопріемлемы. Какъ люди плотяные, они не могли принять духовную пищу,—хлѣбъ, сходящій съ небесъ, плоть вкушаемую. Однако, если они признали, что Господь Іисусъ есть истинно тотъ Пророкъ, которому надлежало придти въ міръ (Іоан. 6, 14), то должны были вѣрить Его словамъ, какъ бы они ни были таинственны. Темнота словъ всегда под-

[1] Злат., тамъ же, стр. 158.

стрекаетъ слушателя и дѣлаетъ его болѣе внимательнымъ. Долгъ ученика—не разбирать съ излишнимъ любопытствомъ словъ учителя, но слушать, вѣрить и ожидать надлежащаго времени разрѣшенія недоумѣній. Посему и тѣмъ ученикамъ не соблазняться слѣдовало непонятнымъ для нихъ ученіемъ, а напротивъ, выждавъ удобное время, спросить и узнать, чего не знали. Но они отступаютъ, ничего не понимая въ духовномъ смыслѣ, а все по внѣшности. Значитъ, причина ихъ соблазна заключалась въ ихъ неразуміи, а не въ непонятности и неудобопріемлемости рѣчи. Притомъ ученіе Христово было не новое какое-либо и необычайное; ибо на него прикровенно указалъ еще прежде Іоаннъ Креститель, назвавъ Христа агнцемъ. Агнца же пасхальнаго израильтяне закалали и ѣли. Избранные ученики Христовы также не понимали тогда этого ученія, однакоже повѣрили Христу, слѣдовали за Нимъ [1] неуклонно, и если сперва знали Его по плоти, то послѣ уже не такъ знали (2 Кор. 5, 16).

Тогда, при видѣ отпаденія многихъ изъ Своихъ послѣдователей, Господь Іисусъ сказалъ двѣнадцати избраннымъ отъ Него ученикамъ: **«Не хотите ли и вы отойти?»**—Такими словами Господь показываетъ ученикамъ, что не нуждается въ ихъ служеніи и благоугожденіи, и не затѣмъ водитъ ихъ съ Собою. Онъ не похвалилъ ихъ и не превознесъ за то, что они не отошли вмѣстѣ съ прочими,—чтобы соблюсти приличное Учителю достоинство, и вмѣстѣ научить, что такимъ образомъ можно еще болѣе привлечь. Ибо если бы Онъ похвалилъ двѣнадцать Апостоловъ, то они могли бы подумать, что своимъ послѣдованіемъ одолжаютъ Его, и можетъ быть испытывали бы нѣчто человѣческое,—по своей немощи возгордились бы. Когда же показалъ, что не нуждается въ ихъ слѣдованіи за Нимъ, то этимъ болѣе удержалъ ихъ при Себѣ, какъ благодѣтельствуемыхъ, а не благодѣтельствующихъ, и получающихъ благодать, а не дающихъ. И это сдѣлалъ Онъ съ истинною мудростію. Не сказалъ: «отойдите и вы», потому что это значило бы отгонять ихъ; но говоритъ вопросительно: «не хотите ли и вы отойти?» Онъ не сталъ ни ласкать, ни отгонять, а только спросилъ. И это не потому, чтобы Онъ презиралъ учениковъ, но потому, что не хотѣлъ удерживать ихъ насиліемъ и принужденіемъ; ибо оставаться по этой причинѣ—

---

[1] Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 2, стр. 141, 142.—Блаж, Ѳеофил., Благов. ч. 4, стр. 171, 172.

все равно, что и стоять. Онъ предоставляетъ полную свободу—слѣдовать за Нимъ, или нѣтъ, показывая, что Онъ хочетъ, чтобы ученики слѣдовали за Нимъ, не изъ-за какого-либо стыда предъ Нимъ, но по чувству благодарности, и по сознанію, что, оставаясь при Немъ, получатъ благодать.

Такъ и было. Симонъ Петръ отвѣчалъ Іисусу Христу: «Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешъ глаголы жизни вѣчной, и мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго». Онъ говорилъ это отъ лица всѣхъ Апостоловъ, зная ихъ вѣрованія и убѣжденія, тѣмъ болѣе, что еще недавно всѣ они выражали подобное сему, по случаю укрощенія бури и хожденія по водамъ (Матѳ. 14, 33).—«Къ кому намъ идти?» Этотъ отвѣтъ обнаруживалъ великую любовь учениковъ Христовыхъ: онъ показывалъ, что для нихъ Божественный Учитель ихъ дороже всего—и отцевъ, и матерей, и дѣтей, и имѣній, и что, оставивъ Его, они не могли бы уже найти, куда прибѣгнуть. Но, чтобы не показалось, будто Петръ высказывалъ, что не было никого, кто бы принялъ ихъ, онъ присовокупилъ: «Ты имѣешъ глаголы жизни вѣчной, и мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго». Такимъ исповѣданіемъ онъ ясно и рѣшительно выразилъ, что у избранныхъ учениковъ Христовыхъ нѣтъ и не можетъ быть никакого другаго учителя изъ среды какихъ-нибудь фарисейскихъ народныхъ учителей, котораго они могли бы предпочесть Христу, потому что только у Него одного они могли слышать такіе глаголы, которымъ внимая и вѣруя, можно получить жизнь вѣчную, и они, постоянно находясь при Немъ, слыша Его ученіе и видя Его дѣла, увѣровали и познали, что Онъ воистинну Христосъ, Сынъ Бога живаго. Сперва увѣровали, а потомъ узнали: ибо послѣ вѣры знаніе, а не прежде вѣры. Если вѣра уже принимаетъ божественное, то она тѣмъ не отказывается отъ изслѣдованія; напротивъ, она должна стремиться возвысить себя до извѣстнаго познанія—хотя какбы сквозь тусклое стекло и гадательно (I Кор. 13, 12)[1]. Исповѣданіе Петра подтверждаетъ, что не слова Христовы были причиною соблазна для многихъ, а невниманіе, безпечность и неблагодарность слушателей. Если бы Христосъ и не сказалъ тѣхъ словъ, послѣ которыхъ многіе оставили Его,

[1] Св. Кирил. александр. in Ioh. lib. VI, c. 29.

они и тогда соблазнились бы и не успокоились бы, потому что непрестанно думали о пищѣ тѣлесной и были пригвождены къ землѣ. Но вмѣстѣ съ ними слушали и Апостолы, однакожъ высказали не то совсѣмъ. Это потому, что тѣ внимали словамъ Христовымъ чувственно и съ умствованіями человѣческими; а вѣрные ученики Христовы—духовно, предоставляя все вѣрѣ; ибо и Христосъ говорилъ, что Его «слова суть *духъ*», то есть, духовны; предметы же духовные не подлежатъ обыкновенному порядку вещей и не могутъ быть подчинены законамъ земнымъ[1].

Отвѣчая Іисусу Христу за весь ликъ Апостоловъ: «Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной, и мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго», св. Петръ свидѣтельствуетъ чрезъ это не только о томъ, что они уже приняли ученіе о воскресеніи и о будущемъ воздаяніи, но и о томъ, что вмѣстѣ съ симъ они исполнились духомъ братолюбія и истинной любви.—Онъ не говоритъ: я увѣровалъ и позналъ, но: мы увѣровали и познали. Далѣе, принаравливаясь къ самымъ словамъ Божественнаго Учителя, говоритъ совсѣмъ не то, что говорили іудеи. Тѣ говорили: «это сынъ Іосифа», а Петръ: «Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго»; и еще: «Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной»; ибо не напрасно слышалъ отъ Него: «вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день (Іоан. 6, 40. 47)». «Какъ послалъ Меня живый Отецъ, и Я живу Отцемъ; такъ и ядущій Меня жить будетъ Мною (ст. 57)». Припомнивъ, такимъ образомъ, самыя слова Христовы, Петръ показалъ тѣмъ, что онъ содержитъ въ памяти все сказанное.

Какъ ни благоугодно было это исповѣданіе Христу Спасителю, однако Онъ не похвалилъ и не превознесъ Петра, чтобы не показаться льстящимъ за то, что пребылъ съ Нимъ. Но, такъ какъ Петръ отъ лица всѣхъ Апостоловъ выразилъ исповѣданіе истины и вѣрность Господу; то Іисусъ Христосъ отвѣчалъ всѣмъ имъ: **«Не двѣнадцать ли васъ избралъ Я? но одинъ изъ васъ діаволъ.»** Петръ говорилъ и о себѣ и о прочихъ изъ числа двѣнадцати: «мы увѣровали» всѣ «и познали»; а Христосъ, чтобы исправить его, даетъ ему и прочимъ понять, чтобы они такъ не думали, потому что не

---

[1] Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 2, стр. 160; Блаж. Өеофил., Благов. ч. 4, стр. 176.

всѣ изъ двѣнадцати остались вѣрны и не всѣ познали Его. Господь исключаетъ изъ лика избранныхъ Своихъ учениковъ—одного[1], котораго уже не находитъ вѣрующимъ, и называетъ именемъ духа злобы. «Не двѣнадцать ли васъ избралъ Я»,—приблизилъ къ Себѣ и открывалъ вамъ болѣе, чѣмъ другимъ, тайны царствія Божія? Но одинъ изъ васъ, Моихъ избранниковъ, не удержалъ за собою своего высокаго достоинства, и уподобился діаволу, тому падшему духу, который въ началѣ бытія своего принадлежалъ къ высшимъ и лучшимъ созданіямъ Божіимъ; но потомъ, по своей волѣ, увлекшись гордостію, сталъ вождемъ непокорныхъ Богу духовъ, оставившихъ порученное имъ служеніе (Іуд. ст. 6), и сдѣлался врагомъ рода человѣческаго и пришедшаго въ міръ для спасенія людей, Христа. Такъ и ученикъ невѣрный, бывшій въ началѣ человѣкомъ добрымъ и благочестивымъ, не уступавшій во многомъ прочимъ избраннымъ,— за что и удостоенъ избранія,—увлекшись гордостію, впалъ въ невѣріе и заразился корыстолюбіемъ, и самъ сталъ діаволомъ, человѣкомъ лукавымъ, врагомъ Христа и Его дѣла, клеветникомъ и предателемъ. «Одинъ изъ васъ—діаволъ!» Это говорилъ Іисусъ Христосъ объ Іудѣ Симоновѣ Искаріотѣ, ибо сей послѣ предалъ Его, будучи одинъ изъ двѣнадцати.

Онъ сказалъ это съ намѣреніемъ заранѣе отвратить вѣроломство предателя, и хотя зналъ, что это будетъ безполезно, тѣмъ не менѣе исполнялъ свое дѣло. При этомъ Христосъ поступилъ съ великою мудростію. Онъ и не обнаружилъ вполнѣ предателя, и не оставилъ его совсѣмъ неизвѣстнымъ,—съ одной стороны, для того, чтобы Іуда, потерявъ стыдъ, не сдѣлался упорнѣе, а съ другой,— чтобы онъ не думалъ, что скроется, и не отважился безстрашно на злодѣяніе[2],—подобно тому, какъ воръ, опасаясь быть открытымъ, бросаетъ похищенное. Съ этою-то цѣлію Христосъ Спаситель, продолжая бесѣду, и изобличаетъ его яснѣе. Сначала Онъ включилъ и его въ число прочихъ невѣрующихъ, сказавъ: «есть изъ васъ нѣкоторые невѣрующіе»; ибо къ нимъ несомнѣнно уже принадлежалъ и тотъ, о которомъ Іисусъ Христосъ зналъ, что онъ предастъ Его

[1] Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 4, стр. 166. 161; Блаж. Ѳеофил., Благов. ч. 4, стр. 176.

[2] Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 4, стр. 160, 161; Бл. Ѳеофил., Благов. ч. 4, стр. 176.

(Іоан. 6, 64). И очень можетъ быть, что Іуда тайно возбуждалъ въ другихъ недовѣріе ко Христу то ѣдкими шутками, то вопросами хитрой злости (Іоан. 12, 4). Все это, конечно, дѣлалось за глазами Божественнаго Учителя,—за глазами и тѣхъ, которые были особенно близки къ Іисусу Христу. Спаситель зналъ все это и терпѣлъ[1]. Нѣкоторые соблазнились и ушли, а Іуда остался, но не съ тѣмъ, чтобы понимать, а съ тѣмъ, чтобы не понимать Его[2]. Затѣмъ, при обращеніи ко всѣмъ Апостоламъ вопроса: «не хотите ли и вы отойти?» предоставлявшаго имъ свободу слѣдовать, или не слѣдовать за Христомъ,—хотя любовь Его и хотѣла удержать при Себѣ вѣрныхъ учениковъ Своихъ, когда они сами того желали,—предложенный выборъ касался собственно Іуды, желавшаго казаться однимъ изъ лучшихъ, тогда какъ для него, безъ сомнѣнія, лучше было бы оставить теперь Господа Іисуса Христа, чѣмъ оставаться при Немъ съ зародившимся въ душѣ невѣріемъ и быть доведеннымъ страстію къ славѣ и корысти до ужаснаго и неисправимаго преступленія—до предательства. Но, такъ какъ Іуда, не смотря на сдѣланное Христомъ Спасителемъ внушеніе и предложенный вопросъ, остался при Немъ, не измѣняя своего внутренняго расположенія, то Онъ изобличаетъ его сильнѣе, говоря: «одинъ изъ васъ діаволъ», и такимъ образомъ, наводитъ страхъ на всѣхъ вообще, желая прикрыть его. Онъ не сказалъ: «одинъ изъ васъ предастъ Меня», какъ сказалъ впослѣдствіи (Іоан. 13, 21), но: «одинъ изъ васъ діаволъ». Поэтому они вѣрно даже не поняли этихъ словъ, а думали, что Онъ только укоряетъ за лукавство[3], свойство діавольское. Діаволомъ же, или сатаною, издревле называли людей, оказавшихся навѣтниками, или противниками (2 Цар. 19, 22; 3 Цар. 11, 23. евр. текстъ). Господь Іисусъ Христосъ назвалъ Іуду діаволомъ, какъ потому, что онъ, сдѣлавшись невѣрующимъ, извращалъ ученіе Христово и ничего не принималъ изъ него съ вѣрою; такъ и потому, что онъ уже былъ способенъ на клевету и предательство. Такимъ дѣйствительно и оказался Іуда, клевеща на Господа предъ іудеями и выдавая Его тайны, какъ и Пророкъ предсказалъ о предателѣ: *сердце его слагаетъ въ себѣ не-*

[1] Преосв. Филарета, архіеп. Черн. Ученіе Ев. Іоан. о Словѣ. Черн. 1869 г.. стр. 134.

[2] Изреченіе блаж. Августина.

[3] Св. Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 4, стр. 162, 163.

правду, и онъ вышедши вонъ, толкуетъ (Псал. 40, 7) все превратно[1]. Сказанныя Іисусомъ Христомъ двѣнадцати Апостоламъ слова: «одинъ изъ васъ діаволъ», — должны были показать имъ, что ученіе Его чуждо ласкательства. Такъ какъ въ то время, когда всѣ оставили Его, они одни остались при Немъ, и чрезъ Петра исповѣдали Его Христомъ; то чтобы не подумали, что Онъ станетъ льстить имъ, Онъ удаляетъ ихъ отъ такой мысли, и какбы такъ говоритъ имъ: «ничто не можетъ отклонить Меня отъ обличенія людей злыхъ; не думайте, что Я стану льстить вамъ за то, что вы остались при Мнѣ, и въ этомъ представили свидѣтельство своей любви ко Мнѣ и вѣрности. Не удержитъ меня отъ обличенія не сохранившихъ своего достоинства, людей порочныхъ, и то самое избраніе и послѣдованіе ихъ за Мною». — Это потому, что Богъ никогда не дѣлаетъ людей добрыми чрезъ насиліе и принужденіе, и Его избраніе призываемыхъ не насильственное, а совершается чрезъ увѣщаніе, не стѣсняя ихъ произвола. Избраніе Божіе предрасполагаетъ насъ къ добру и даруетъ намъ свою благодать; спастись же и поступить достойно призванію, или на оборотъ, — это зависитъ отъ нашей мысли и воли. Отъ того много званныхъ не спаслось отъ погибели. Іуда былъ призванъ къ апостольству, причтенъ къ тому св. лику, и, удостоившись столь великаго дара, совершалъ чудеса, и не смотря на это, какъ скоро былъ порабощенъ тяжкимъ недугомъ невѣрія и страстію сребролюбія, предалъ и своего Владыку, и ничто не принесло ему пользы, а напротивъ все это обратилось даже въ поводъ къ его наказанію. Посему-то милосердый Господь заблаговременно предостерегалъ его; но онъ, въ смертномъ грѣхѣ противъ своей совѣсти, пренебрегъ богатствомъ благости, кротости и долготерпѣнія Божія, не разумѣя, что благость Христа Спасителя ведетъ его къ покаянію. По своему упорству и нераскаянному сердцу, онъ самъ себѣ собиралъ гнѣвъ на день гнѣва и откровенія праведнаго суда отъ Бога (Рим. 2, 4. 5). Прочимъ же Апостоламъ и всѣмъ послѣдователямъ Христовымъ сказанное предостереженіе внушало трезвиться и бодрствовать (1 Петр. 5, 8)[2], и со страхомъ совершать свое спасеніе (Фил. 2, 12). Примѣръ Іуды показываетъ, какъ сильно враждуетъ діаволъ,

---

[1] Блаж. Ѳеофил., Благов. ч. 4, стр. 176, 177.
[2] Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 4, стр. 164; Блаж. Ѳеоф., Благ. ч. 4, стр. 177.

когда онъ смогъ увлечь одного изъ двѣнадцати Апостоловъ, которые воскрешали мертвыхъ, совершали чудеса и слышали духовное и животворное ученіе Господа[1]. Такъ же сдѣлались Христоубійцами и іудеи[2], по внушенію того же духа злобы.

Послѣ сего,—то есть, послѣ слова о хлѣбѣ небесномъ и сопровождавшихъ его событій, Господь Іисусъ Христосъ ходилъ съ благовѣствованіемъ и благодатію врачеванія душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ по Галилеѣ, ибо по Іудеѣ ходить не хотѣлъ,—не пошелъ и въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, потому что іудеи, въ лицѣ своихъ начальниковъ и учителей народныхъ, преимущественно фарисеевъ, искали убить Его, или довести до смерти, какимъ бы то ни было образомъ. Іисусъ Христосъ удаляется отъ убійцъ—іудеевъ не потому, что боится смерти, ибо Ему можно было и посреди ихъ ходить и не потерпѣть ничего; но потому, что если бы Онъ всегда такъ поступалъ, то не повѣрили бы, что Онъ былъ человѣкъ, но почли бы Его за призракъ. Посему теперь Онъ удаляется, и такимъ образомъ подтверждаетъ и удостовѣряетъ, что Онъ дѣйствительно человѣкъ. Въ другихъ же случаяхъ, когда Онъ находится среди убійцъ, злоумышляющихъ на Него, и остается невредимымъ, Онъ показываетъ, и всѣхъ увѣряетъ, что Онъ не просто человѣкъ, но и Богъ. Теперь Онъ сталъ путешествовать по Галилеѣ и другимъ мѣстамъ св. земли, кромѣ Іудеи. Такъ какъ еще не наступило время страдать, то напрасно и излишне Ему было обращаться среди враговъ Своихъ, и тѣмъ подавать поводъ къ усиленію ихъ злобы[3].

Виталій, Епископъ Могилевскій и Мстиславскій.

---

[1] Бл. Θеоф., Благов. ч. 4, стр. 177.
[2] Св. Злат., бес. на Ев. Іоан. ч. 2, стр. 167.
[3] Бл. Θеоф. Благ. ч. 4, стр. 178.

Опечатка. Въ предъидущемъ №, въ этой же самой статьѣ, на страницѣ 131, въ 9-й строкѣ снизу, вмѣсто словъ: «пороги алтаря», слѣдуетъ читать: «роги алтаря». *Ред.*

ЗНАЧЕНІЕ КРЕСТНОЙ ЖЕРТВЫ ИСКУПИТЕЛЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, НРАВСТВЕННОСТИ, БѢДЪ И СКОРБЕЙ.

Слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть (1 Кор. 1, 18).

Крестъ Господень стоитъ, какъ градъ вверху горы, служа прибѣжищемъ для всѣхъ земнородныхъ, какъ свѣтильникъ на свѣщницѣ, разливая свой свѣтъ на вселенную. Къ сожалѣнію, не всѣ охотно идутъ къ этому прибѣжищу и свѣту; готовыхъ понести его или лучше свой крестъ слишкомъ мало. А мудрецы вѣка сего—тѣ посвоему чуждаются креста Христова. Много не думая, они огласили слово крестное юродствомъ: «пусть, учатъ они, невѣжество и безнравственность древняго современнаго Христу міра не могли понять и оцѣнить возвѣщенныхъ Спасителемъ истины и добра, и довели Его до смерти; пусть Его страданія и смерть были очистительною жертвою заблужденій и пороковъ того времени, такъ какъ человѣкъ самъ не могъ выдти къ свѣту истины! Но нашъ просвѣщенный и человѣчный вѣкъ развѣ не въ состояніи понять и оцѣнить по достоинству эту дивную и высокую Личность и воспользоваться Ея ученіемъ? Только къ чему для него это слово крестное, эта искупительная жертва? Для удовлетворенія за него Высшей Правдѣ и Истинѣ? Но развѣ мало страданій въ жизни каждаго? Нѣтъ, для неба нужна иного рода жертва, отреченіе отъ зла и возрожденіе къ добру собственными силами человѣка,—самоискупленіе человѣка. И ужели теперь человѣчество, съ его просвѣщеніемъ и нравственнымъ развитіемъ, не въ силахъ искупить самого себя, т. е. сумма и сущность знаній и добрыхъ дѣлъ развѣ не въ состояніи пересилить число и тяжесть заблужденій и пороковъ?»

Мы не будемъ приводить болѣе вопросовъ и возраженій, которыми мудрость вѣка сего—оптимистическій и пессимистическій соціализмъ—встрѣчаетъ представляющееся ей юродствомъ слово крестное, и спѣшимъ отвѣтить ей, что для нашего времени едва ли не болѣе, чѣмъ для всякаго другаго, необходима искупительная жертва что спасеніе наше единственно въ словѣ крестномъ (въ ученіи объ искупленіи міра крестомъ и о несеніи нами собственнаго креста).

I.

Какъ ни велико просвѣщеніе нынѣшняго вѣка, но много въ немъ ошибокъ и заблужденій, а ошибки и заблужденія, особенно когда они сростаются съ жизнію, нравами и обычаями, обращаются въ привычку, во вторую природу, требуютъ для своего исправленія великихъ жертвъ. Изъ исторіи человѣческаго просвѣщенія извѣстно, сколько возвышенныхъ и чистыхъ жизней погибало, какая невинная и благородная кровь проливалась въ искупленіе заблужденій мрачнаго духа времени и для торжества новыхъ истинъ. Возьмите же вы заблужденія всей свокупности современныхъ умовъ, направленіе большинства наукъ къ построенію всякаго знанія на началахъ исключительно опытныхъ, вещественныхъ и, при легко дающихся открытіяхъ въ области естествознанія, горделивое, доходящее, до самообожанія, отверженіе древнихъ вѣчныхъ истинъ вышеестественныхъ; представьте также страстное, неудержимое стремленіе науки къ потемнѣнію и ослабленію идеи вседержительныхъ отношеній Божества къ міру, къ разрѣшенію великихъ вопросовъ жизни и духа независимо отъ религіи, къ подчиненію ея самой разуму и совѣсти, къ преобразованію общественной нравственности по началамъ естественнымъ, корыстнымъ, эгоистическимъ, помимо религіозныхъ.... Къ чему все это поведетъ, какъ не къ потрясеніямъ, разрушеніямъ и страданіямъ въ жизни частной и общественной, и какою чрезвычайною жертвою должны быть искуплены всѣ эти заблужденія?.

Представимъ себѣ умнаго и очень образованнаго человѣка, но, къ сожалѣнію, запутавшагося и упорствующаго въ превратныхъ понятіяхъ и ложныхъ убѣжденіяхъ, который однако сообразуетъ съ ними свою жизнь и дѣятельность, всѣ силы свои устремляетъ къ отверженію священныхъ убѣжденій сердца, и вокругъ себя повсюду разливаетъ ядъ хулы и порчи. Не правда ли, что только самъ Богъ можетъ просвѣтить заблуждающагося, сообщая ему откровеніе Своея истины или чрезъ тяжкія чрезвычайныя испытанія въ жизни, или чрезъ нѣкій таинственный глаголъ Свой къ сердцу, взывая къ нему, какъ нѣкогда къ Савлу: что Мя гониши? Но главное, для этого Господу нужно бываетъ воздвигнуть какой-либо высшій нравственный духъ, который, путемъ непреоборимыхъ убѣжденій и внутренняго перерожденія въ душѣ заблуждающагося, заставилъ бы его принести въ жертву истинѣ свои заблужденія, самъ былъ бы жре-

цемъ при этой жертвѣ и самого себя, ради спасенія заблуждающагося, готовъ былъ бы принести въ жертву. Чтобы спасти всѣ современные умы отъ заблужденій и всѣхъ ихъ гибельныхъ послѣдствій, и—для этого вступить непремѣнно въ борьбу со всѣмъ нынѣшнимъ просвѣщеніемъ, со всѣми его необъятными средствами и оружіемъ, чтобы открыть новый міръ вѣдѣнія непогрѣшимаго и чистаго, силою непреодолимаго убѣжденія расположить умы и сердца къ принятію не новыхъ, но упорно забываемыхъ, истинъ,—потребно, чтобы явился имъ на помощь умъ вышечеловѣческій, Божественный и, во свидѣтельство истины своего ученія, въ искупленіе и очищеніе заблужденій духа времени, принесъ самого себя въ жертву.

Что же? Не значитъ ли это желать новаго откровенія, новаго искупленія и креста? Но зачѣмъ желать этого, когда уже «совершишася» (Іоан. 19, 30)? Сила принесенной уже жертвы простирается на всѣ времена, и на наши. Это видно прежде всего изъ исторіи крестныхъ страданій Господа. Вотъ Онъ, готовясь совсѣмъ идти на смерть за истину, произноситъ трогательную первосвященническую молитву надъ собственною, такъ сказать, жертвою, надъ Самимъ Собою, и умоляетъ Отца небеснаго дать Сыну силу и власть утвердить во всемъ мірѣ вѣчную жизнь,—сія же вѣчная жизнь есть, *да знаютъ Тебе, Единаго Истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). Вотъ Онъ молитъ, чтобы Отецъ,—при посредствѣ Сына, сохранилъ все человѣчество во имя Свое, освятилъ всѣхъ истиною Своею (—17 ст.), и наконецъ—*да будутъ вси едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино* (—21 ст.): дивная эта молитва—не залогъ ли того, что свѣтъ истины и жизни долженъ излиться со креста и на новый міръ, который не менѣе древняго отчуждаетъ себя отъ св. истины и вѣчной жизни, который такъ далекъ отъ благодатнаго освященія себя именемъ и силою Вышняго и такъ разъединенъ въ духѣ и мысляхъ съ самимъ собою и Богомъ? Затѣмъ, ужели заблужденія и пороки одного древняго міра іудейскаго и языческаго могли требовать жертвы столь безконечной цѣны и достоинства? Ужели заблужденія, новаго христіанскаго міра, по преступности не уступающія древнимъ, не должны были привнести своей горечи въ крестную чашу Спасителя? Законы міра нравственнаго, болѣе чѣмъ законы временнаго, вещественнаго міра, неизмѣн-

ны, непреложны, одинаковы для всѣхъ лицъ и временъ: и потому какъ тѣ, такъ и другія заблужденія требуютъ одной и той же необъятной жертвы, ею только могутъ быть омыты и очищены. Далѣе, разъ Христово ученіе не есть отвлеченное умозрѣніе, но проходящее чрезъ всю жизнь и дѣятельность Его слово истины и спасенія, и Его ученіе по преимуществу есть ученіе любви и самоотверженія, и жизнь Его вся есть крестъ и мученіе; съ другой стороны, разъ величіе этой любви и славы Божіей, полнота Божества Іисуса, глубина премудрости проявились въ крестныхъ страданіяхъ полнѣе и величественнѣе, чѣмъ во всей предшествующей жизни и ученіи Его: стало быть, безъ крестной жертвы Его Божественное ученіе было бы началомъ безъ соотвѣтствующаго конца, сѣменемъ безъ желаемаго плода. И потому *тьма*, которую оно имѣло разсѣять и разсѣеваетъ, безъ свѣта креста Христова *обуяла бы* міръ все болѣе и болѣе, такъ что современный намъ міръ не только не шелъ бы впередъ по пути просвѣщенія, но рѣшительно *не зналъ бы, куда идти во тьмѣ* (Іоан. 12, 35) своей (примѣръ—древніе историческіе народы, и понынѣ невѣдущіе ни Христа, ни креста Его), а не то міръ вовсе преткнулся бы и погибъ. Если-жъ этого не случилось съ нимъ, то потому только, что и ему свѣтитъ, недовѣдомо для него, всѣхъ просвѣщающій свѣтъ креста Христова: подобно тому, какъ Онъ *свѣтилъ во тьмѣ* язычества и *тьма его не объяла* (Іоан. 1, 5), свѣтилъ чрезъ лучшихъ поэтовъ, философовъ, законодателей, такъ называемыхъ праведниковъ язычества, христіанъ до Христа и въ нѣкоторой мѣрѣ—провозвѣстниковъ креста.

Многіе намѣренно закрываютъ глаза отъ сего свѣта, не вѣрятъ, не постигаютъ великаго значенія крестной жертвы... Но... много ли было вѣрующихъ въ нее тогда, когда она принесена? Между тѣмъ зерно пшеничное, *аще* умираетъ, *многъ плодъ творитъ:* и Вознесенный на крестъ вся привлекаетъ къ Себѣ (Іоан. 12, 24. 32) какъ тогда, такъ и теперь. Какъ тогда языческая мудрость пала предъ христіанскою наукою и проповѣдію о Христѣ Распятомъ, такъ и теперь падетъ (въ свое время и также постепенно) ложное просвѣщеніе. Благодатная сила крестной жертвы воздвигнетъ и теперь новыхъ вдохновенныхъ и самоотверженныхъ провозвѣстниковъ истины, открытыхъ гонителей сдѣлаетъ пламенными ревнителями ея. Свѣтъ мудрости и полнота благодатныхъ даровъ, дарованныхъ ради

крестныхъ заслугъ Искупителя, будетъ сіять и изливаться на землю, пока *явится на небеси знаменіе Сына человѣческаго* (Матѳ. 24, 30). Вотъ спасительная важность и непреложная необходимость крестной жертвы для современнаго намъ просвѣщенія!

II.

Каково ея значеніе въ области современой нравственности? Нравственныя понятія о достоинствѣ человѣка, свободѣ, любви, правдѣ и равноправности, о разумно-нравственныхъ началахъ въ развитіи общественной жизни, понятія, безспорно, дѣлающія честь новому времени предъ старымъ, взяты, однакожъ, изъ христіанства, очищены и возвышены искупительною жертвою. Въ самомъ дѣлѣ, если для освященія и освобожденія человѣка принесена такая всесовершенная жертва, то какъ высоко должно быть достоинство человѣка, какъ священна и неприкосновенна его свобода! Если правда Божественная потребовала, а любовь принесла столь безцѣнную жертву, то какъ возвышенна должна быть правда и чиста любовь! И не только для этихъ нравственныхъ понятій, но и для всей нравственности и всего христіанства крестъ Христовъ служитъ основаніемъ, опорою и оплотомъ. Не будь креста, самая совершенная заповѣдь о любви ко врагамъ, о самоотверженіи, терпѣніи, нестяжательности осталась бы однимъ словомъ, мертвымъ требованіемъ, не оправданнымъ, не запечатлѣннымъ жизнію и примѣромъ Законодателя, безъ живаго образца и подражанія. И кто бы тогда взялъ на себя вышеестественный подвигъ любить враговъ, благословлять клянущихъ, возлюбить всесовершенную нищету и нестяжательность? Но если ради меня, преступника и врага Божія, Самъ во человѣчившійся Богъ пострадалъ и умеръ на крестѣ, то какъ же я не стану съ Его помощію любить враговъ и не понесу креста нищеты и нестяжательности? Безъ креста Христова, безъ утвержденія и запечатлѣнія нравоученія Его собственною жизнію и примѣромъ, все нравственное Евангельское ученіе, которое въ существѣ своемъ есть крестологія, хотя и не потеряло бы своей чистоты и возвышенности, превратилось бы въ отвлеченное умозрѣніе, и какъ всякое отвлеченіе, измышленіе, не имѣло бы для воли обязательности и непреложности нравственнаго закона, а главное—безъ креста Христова не было бы въ мірѣ той благодатной силы, которая сообщаетъ слову Евангелія

столь могущественное дѣйствіе на сердца человѣческія. Убѣдительные примѣры на то. По всепобѣждающему и всепривлекающему дѣйствію крестной силы, и разбойникъ переселяется со креста въ рай и сотникъ-язычникъ исповѣдуетъ Распятаго Сыномъ Божіимъ; но до ся открытія и ближайшіе ученики, столько времени ходившіе въ слѣдъ за Іисусомъ, столько слушавшіе глаголовъ живота вѣчнаго, столько видѣвшіе чудесъ, оставили Его, соблазнились о Немъ въ минуты опасности; самъ пламенный Петръ отрекся отъ Него. Оставившіе Іисуса живаго собираются окрестъ Его креста и гроба. Значитъ, сила крестная влечетъ человѣка къ Богу сильнѣе, чѣмъ чудеса, знаменія и ученіе. Если такъ много теряла бы Евангельская нравственность безъ креста, то что сталось бы съ естественнымъ нравственнымъ ученіемъ, развиваемымъ внѣ свѣта креста Христова? Какое это жалкое подражаніе, злоупотребленіе и искаженіе Евангельской нравственности, утверждаемой на крестѣ! Тамъ, въ естественномъ нравственномъ ученіи возвеличивается достоинство человѣка естественное, при всѣхъ недостаткахъ поврежденной природы: здѣсь, раскрытое и утвержденное благодатнымъ искупленіемъ на крестѣ, достоинство человѣка возвышается до ангелоподобія, до усыновленія его Отцу Небесному, до причастія Божескаго естества (а въ лицѣ Богоматери, ради креста ея и Сына ея Божественнаго, оно возвышено паче Херувимовъ, превыше Серафимовъ). Тамъ проповѣдуется свобода внѣшняя, чуждая оковъ рабской зависимости, но не избавляющая человѣка отъ рабства грѣху, страстямъ: здѣсь же свобода внутренняя, нравственная, благодатная, владычествующая надъ грѣхомъ и страстями, побѣждающая злое благимъ и обезпеченная безцѣннымъ залогомъ Божественнаго Искупителя. Тамъ воспѣвается любовь узкая, тщедушная, не думающая жертвовать для блага ближняго ни личностію, ни жизнію, благотворящая другимъ изъ-за собственныхъ больше выгодъ: здѣсь же, во имя Божественной любви, распятой на крестѣ, завѣщевается любовь безгранично самоотверженная. Тамъ возводится почти въ перлъ и добродѣтель любовь «невинно мечтательная, романическая, врожденная», но производящая страшныя семейныя драмы, доводящая до кровосмѣшенія, полигаміи, убійствъ и самоубійствъ, противоестественныхъ, возмутительныхъ для инстинкта животныхъ. Здѣсь же на крестѣ утверждается ангельская добродѣтель дѣвства, умерщвляющая и порабощающая

тѣло, наполняющая душу пренебеснымъ миромъ и блаженствомъ, преобразующая аскета въ земнаго ангела и небеснаго человѣка, возвышающая его до отреченія отъ всѣхъ узъ родства и пріязни: подобно тому какъ и Христосъ, истощивъ Себя на крестѣ до послѣдней капли крови, убивъ на немъ всякую вражду, остался какъ-бы безъ родства и сыновства, безъ дружбы и земныхъ утѣшеній, когда усыновилъ Богоматери возлюбленнаго ученика Своего. Тамъ, съ точки естественной нравственности чувственные грѣхи: чревоугодіе, пьянство—не грѣхи, а развлеченіе, забава. Здѣсь же, въ крестологіи, это измѣна, вражда Богу, служеніе мамонѣ и идолослуженіе; крестъ Христовъ—жезлъ и узда противъ всякаго невоздержанія и нечистаго помысла. Тамъ образецъ правды указывается въ законѣ гражданскомъ, всегда неполномъ, измѣнчивомъ, неточномъ, и иногда противорѣчащемъ нравственному чувству: здѣсь же возвѣщается правда вѣчная, написующая законы непреложные, вѣчные, царящіе надъ внутреннею жизнію человѣка, неизмѣнная правота которыхъ такъ торжественно засвидѣтельствована на крестѣ. Послѣ этого все построеніе общественной жизни на подобныхъ узкихъ безжизненныхъ разумно-нравственныхъ началахъ, съ ея равноправностію, свободою, братствомъ, имѣющее цѣлію оградить человѣка внѣшними преимуществами и удобствами жизни, подчинить гражданской жизни самую нравственную область, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало,—можетъ ли что сдѣлать для чисто нравственнаго воспитанія народа? Толкуютъ о равенствѣ, братствѣ и свободѣ: гдѣ же любовь всепримиряющая, всесозидающая, гдѣ сила для исполненія и осуществленія прекрасныхъ этихъ идеаловъ равенства, братства и свободы, гдѣ врачевство для исцѣленія естественныхъ нравственныхъ немощей, корыстныхъ и эгоистическихъ стремленій, прикрывающихся свѣтлымъ знаменіемъ братства, равенства? А безъ лѣкарства однимъ благовиднымъ увѣщаніемъ и краснымъ словомъ не уврачуешь душевныя эти боли и раны. Безъ крестоносной и самоотверженной любви, безъ привлекаемой ею высшей всемогущей помощи и благодатнаго врачевства, все,—самая вожделѣнная свобода, превратится въ разнузданность произвола, страстей, въ хаосъ и разрушеніе. И нужно опасаться, чтобы (какъ показали и показываютъ печальные опыты на Западѣ, отчасти угрожающіе и намъ) современный міръ, при крайнемъ развитіи и злоупотребленіи почерпнутыхъ изъ христіан-

ства началъ, не погубилъ себя даже на пути нравственнаго развитія. Только Тотъ, кто положилъ въ Евангеліи твердый оплотъ чистымъ нравственнымъ понятіямъ, Кто принесъ Себя за нихъ въ жертву и Кому слѣдовательно такъ дорого ихъ охраненіе и дѣйствованіе въ мірѣ, только Онъ, *исполняющій Своимъ духомъ и силою всяческая*, хранитъ ихъ отъ дальнѣйшихъ злоупотребленій мудрованія, а міръ—отъ погибели. Только Онъ, уничтоживъ средостѣніе, бездну между небомъ и землею, примиривши насъ съ Богомъ и низведши на насъ дары и благословеніе неба смертію Своей, ведетъ человѣчество къ постоянному нравственному усовершенствованію. И какъ тогда предъ пришествіемъ Искупителя міръ едва не погибъ, такъ и теперь внѣ креста—вѣчная смерть!

И не причемъ тутъ современное просвѣщеніе. Царства и народы нравственно падали и погибали, когда стояли на высотѣ образованности. И теперь то и дѣло слышатся жалобы: ученыхъ много, да людей нѣтъ. И понятно почему: самая трудная наука, наука быть добродѣтельнымъ. Просвѣщеніе, чтобы быть свѣточемъ въ душѣ, само нуждается въ доброй нравственности, какъ въ своей опорѣ,—въ очищеніи сердца молитвою, воздержаніемъ, въ духовномъ созерцаніи, богомысліи. Просвѣщеніе служитъ средствомъ улучшенія нравственности лишь тогда, когда оно получаетъ озареніе отъ Верховнаго Свѣта, отъ Свѣта, возсіявшаго на крестѣ въ такомъ изобиліи, что отъ него померкло солнце Иначе самыя благодѣянія просвѣщенія—довольство, счастіе, благосостояніе—обратятся во вредъ, вещественное благосостояніе, изобиліе и роскошь поведутъ лишь къ бездѣйствію и безпечности, къ забвенію Промысла Божія, распаленію страстей, растлѣнію нравовъ. Такъ именно падали образованные народы и царства. Да и теперь, сколько нравственнаго безобразія въ той ложно просвѣщенной средѣ, которая силится испразднить крестъ Христовъ, разглашая, что добродѣтель находится въ самой тѣсной связи съ просвѣщеніемъ и счастіемъ въ жизни, что порокъ есть слѣдствіе невѣжества, скудости и горя. Посмотрите, какъ мало, если не совсѣмъ нѣтъ, истинной добродѣтели у всѣхъ тѣхъ, которые мало вѣруютъ во Христа и бѣгутъ креста; и это—потому, что они удаляютъ отъ себя благодать спасенія, потому, что нѣтъ у нихъ очистительнаго огня вѣры, упованія, любви, укрощенія чувственности, побужденія къ смиренію, охраненія чистоты, возбужденія къ

молитвѣ, даруемыхъ въ крестѣ въ скорбяхъ и лишеніяхъ. Да и до того ли имъ, когда они преклоняются предъ нравственностью животныхъ, предъ самоотверженіемъ обезьянъ, предъ семейными добродѣтелями птицъ, предъ торжествомъ женскаго вопроса въ пчелиныхъ ульяхъ и — чрезъ то опошливаютъ самыя дорогія и священныя чувства человѣка и развѣнчиваютъ царя природы до скотоподобнаго состоянія, подкладывая подъ свои странныя теоріи догадки и предположенія, самыя мечтательныя, дикія? Можно бы подробно раскрыть печальное состояніе нравовъ и обычаевъ всѣхъ явныхъ и тайныхъ, намѣренныхъ и ненамѣренныхъ враговъ креста Христова, но изъ сказаннаго можно видѣть, что нынѣшній вѣкъ собственными силами не можетъ возродиться къ лучшей нравственной жизни, что только безконечно-святая жертва Богочеловѣка можетъ удовлетворить за него небесному правосудію и сохранить его среди ужаснаго зла его.

III.

Обратимся къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ и спутникамъ такого нравственнаго состоянія — скорбямъ и страданіямъ (съ этой стороны открывается также неизбѣжная необходимость и важное значеніе крестной жертвы для нашего времени). Нѣтъ нужды подробно изображать, что скорбей въ настоящее время не менѣе прежняго. Достаточно упомянуть о разныхъ физическихъ бѣдствіяхъ, голодѣ въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ, о холодѣ, превратившемъ лѣто въ осень, повредившемъ сильно урожаю, о наводненіяхъ и землетрясеніяхъ, о землетрясеніи особенно въ Испаніи, о болѣзняхъ, открываемыхъ съ каждымъ годомъ и мѣсяцемъ, о болѣзни, открывшейся въ странѣ революціи, невѣріи, заразившей двѣ другія страны и угрожающей всей Европѣ, и о идущей ей навстрѣчу другой страшной болѣзни. Всѣмъ извѣстно также, сколько тревогъ и опасеній въ мірѣ политическомъ, сколько всеобщихъ и страшныхъ вооруженій въ Европѣ, и послѣ миролюбиваго свиданія трехъ ея главныхъ Вѣнценосцевъ, послѣ захватовъ Англіи и Франціи въ глубинѣ Азіи, Африки, на о. Средиземнаго моря и т. д. Сколько нестроеній и смятеній въ жизни частной, семейной и общественной! Не напрасно-жъ всѣ почти силы и средства научныя, нравственныя и вещественныя, тратятся на предотвращеніе или правильнѣе на облегченіе бѣдствій.

Но то все внѣшнія скорби. А сколько затаенныхъ страданій въ каждой чуткой душѣ, почерпаемыхъ въ самыхъ наслажденіяхъ и развлеченіяхъ міра, отравляющихъ сердце своею пустотою, сколько страданій, происходящихъ отъ колебанія въ душѣ между внутренними свободными влеченіями и мнимо обязательными требованіями мірской суеты, отъ борьбы съ заблужденіями и беззаконіемъ общественной среды, отъ людской непріязни, коварства и злобы! Словомъ, когда могло бы быть болѣе, чѣмъ въ наше время, убійственнаго раздвоенія между прирожденными душѣ образами благобытія и наличною дѣйствительностію, раздвоенія, происходящаго отъ неразрѣшимой путаницы современныхъ понятій, требованій и обычаевъ!

Посмотримъ же, что собственная мудрость и сила воли можетъ сдѣлать съ раздирающими жизнь бѣдствіями? Самое лучшее, что можетъ она посовѣтовать, это—отчаянное терпѣніе. «Тяжело, говоритъ она, но терпѣніемъ облегчается то, что перемѣнить неможно. Терпи охотно, иначе будешь терпѣть невольно. Погибай великодушно, потому что все страдаетъ и погибаетъ: такова ужъ наша злосчастная юдоль! Все-жъ пріятно пасть подъ развалинами великими!» Горькія утѣшенія! Какъ будто горькая чаша облегчается отъ соединенія съ моремъ той же горести, или отъ мысли, что она не можетъ не быть горькою! И вотъ человѣческая крѣпость, такъ отчаянно вызывающаяся на борьбу съ страданіями, падаетъ въ самомъ началѣ борьбы: гордое нечувствіе сразу же смѣняется малодушнымъ ропотомъ, недовольствомъ, порицаніемъ всего окружающаго, ропотомъ, озлобленіемъ противъ правительства, а при дальнѣйшемъ натискѣ бѣды, не задумывается наложить руку на собственную жизнь. Страшно вспомнить про разростающееся съ каждымъ днемъ число самоубійствъ! И вотъ чѣмъ оканчиваются розовыя мечты оптимизма-соціализма распредѣлить земныя блага повсюду равномѣрно, уничтожить бѣдность во всѣхъ уголкахъ міра, ослабить, благодаря улучшенію санитарныхъ условій, и даже совсѣмъ уничтожить болѣзни и возстановить полный рай на землѣ съ помощію однихъ чисто человѣческихъ средствъ. Философія позитивная, пессимистическая, отринувшая также религію и тайну искупленія, но не давшая на мѣсто ея ничего, что могло бы осмыслить, урегулировать жизнь, въ тоскѣ и неудовлетворенности жизнію, не знаетъ, что дѣлать: одни недалеки отъ вѣры въ сверхчувственный промыслительный порядокъ вещей, другіе впа-

дають въ тотъ же отчаянный скептицизмъ. Умираетъ у кого-либо изъ нихъ, изъ мудрецовъ этого послѣдняго закала, нѣжно любимая жена. Онъ знаетъ, что она разложится на свои химическіе элементы, что «она вся пыль, и кому, кромѣ его, жалка ея убыль!» Возвратившись съ гражданскихъ или научныхъ похоронъ ея, онъ «уединится и начнетъ размышлять объ элементахъ орбиты какой-нибудь новой кометы». Вотъ и все его утѣшеніе въ страшной горести. Наконецъ и самъ онъ приближается къ смерти. И приготовляетъ себя къ ней размышленіемъ не о великой искупительной жертвѣ, не о попраніи вѣчной смерти смертію Искупителя, «но о какой нибудь важной научной истинѣ въ родѣ Ньютоновой биномы», не хуже стоическихъ философовъ станетъ разсуждать о нравственности. Но долго ли и до того ли ему, когда грозная смерть ближе и ближе подходитъ къ нему и уже начинаетъ витать надъ его головою, когда силы и чувства изнемогаютъ, глазъ не замѣчаетъ никакихъ красотъ и прелестей эстетическихъ, слухъ не услаждается ни мелодіею лирической пѣсни, никакими музами искусства. Самыя лучшія его надежды разбиты, будущаго, жизни—никакой; сердце подъ гнетомъ невыразимой тоски изливается въ ручьяхъ слезъ или каменѣетъ, какъ могильная плита. Такъ гнететъ и мучитъ его смерть дорогаго существа, своя собственная и всякая скорбь. И онъ наконецъ, какъ и житель оптимистическаго рая на землѣ, признаетъ за лучшее покончить съ своею жизнію. Итакъ, если земная мудрость и собственныя силы человѣка падаютъ и изнемогаютъ подъ бременемъ скорбей, если, съ другой стороны, бѣдствія имѣютъ связь съ нравственною стороною жизни, какъ съ своею причиною, и зло нравственное, не смотря на всѣ ухищренія и изобрѣтенія земной мудрости, болѣе и болѣе растетъ въ мірѣ, то не ожидать ли, въ возмездіе за зло, все большихъ и большихъ бѣдствій? И если ожидать, то что дастъ намъ нравственную силу перенести ихъ? Кто смягчитъ ихъ суровый характеръ небеснаго мщенія? Что послужитъ ручательствомъ, что небесное правосудіе не потребуетъ въ жертву наши души, нашу жизнь и жизнь цѣлаго міра? Но жертва принесена, строгій характеръ небесной кары отнятъ у бѣдствій, они сдѣлались средствами нравственнаго очищенія и возрожденія, данью любви и благодарности нашей къ Невинно-пострадавшему за насъ, залогомъ вѣчныхъ радостей на небѣ, и потому найдена таинственная сила радоваться въ самыхъ

страданіяхъ. Сила эта—крестъ. Во имя этой крестной силы, *издалеце видѣвше ю и цѣловавше*, благословляли Бога въ несчастіяхъ своихъ ветхозавѣтные страдальцы: *вѣмъ бо*, говорилъ Іовъ, *яко присносущенъ есть, Иже имать искупити мя, и на земли воскресити кожу мою, терпящую сія*. (Іов. 19, 25. 26). Новозавѣтные-жъ подвижники, вошедшіе въ полноту духа и жизни, *хвалятся въ скорбѣхъ* (Рим. 5, 3), въ оковахъ и темницѣ, какъ на праздникѣ, поютъ всенощную пѣснь (Павелъ, Сила. Дѣян. 16, 25) и на смертный приговоръ о себѣ отвѣчаютъ: «слава Богу!» (Св. Кипріанъ). Такъ, для нынѣшняго многомятежнаго міра подъ крестомъ и за крестомъ единственное убѣжище отъ всѣхъ его золъ: здѣсь только онъ можетъ быть покоенъ за цѣлость своего существованія, здѣсь его единственная отрада и сила!

Особенно нужно сказать это о внутреннихъ скорбяхъ, подъ которыми такъ стонетъ нынѣ человѣкъ. Только Тотъ, *Кто искушенъ былъ по всяческимъ* (Евр. 2, 18), Кто въ огнѣ собственныхъ неизмѣримыхъ страданій засвѣтилъ свѣтъ новаго лучшаго пути, новой лучшей жизни для человѣчества, Кто на крестѣ истребилъ зло и возродилъ добро, силою безконечной, всепримиряющей любви можетъ умирить страждущихъ душою, упокоить всѣхъ «труждающихся и обремененныхъ.» Только Онъ, Избавитель, въ самой области зла устрояющій царство добра, самое зло обращающій во благо, можетъ пресѣчь страданіе, прекратить скорбь, или же въ самомъ злополучіи открыть источникъ благополучія, самое страданіе растворить удовольствіемъ, самой печали сообщить вкусъ радости. Только Утѣшитель, Духъ Святый, который не пришелъ бы, если бы Христосъ не прошелъ путемъ креста, *по множеству болѣзней въ сердцѣ* нашемъ, утѣшеніями Господними можетъ возвеселить душу нашу (Псал. 93, 19).

Итакъ, всепривлекающая, животворящая сила креста Христова, низведшая жизнь въ самую область смерти, есть *стояніе* многострадальнаго нашего *міра*: она блюдетъ жизнь его до той поры, пока за преумноженіе беззаконій Господь нашлетъ на него такую скорбь, *якова же не была отъ начала міра доселѣ* (Матѳ. 24, 21), она проникнетъ тогда снова все человѣчество, сотрясетъ всю землю и сожжетъ ее съ ея дѣлами (сожжетъ въ тотъ страшный моментъ, когда воспылаетъ на небѣ яркій крестъ),—и это не столько въ от-

мщеніе врагамъ, которые сами себѣ уготовляютъ погибель, сколько для того, чтобы ускорить и довершить «привлеченіе всего къ Вознесенному отъ земли.» Но какъ тогда *избранныхъ ради*, силою всепобѣждающаго знаменія Сына человѣческаго, *прекратятся дніе оны* (—22 ст.), такъ и теперь, въ *скорбяхъ, обрѣтшихъ ны зѣло*, прилагай, вѣрующая душа, свои язвы къ язвамъ Распятаго, погружай свои раны и боли въ таинственную полноту Его благодатной жизни. Здѣсь во всякой нуждѣ и тугѣ сердечной ты найдешъ примѣръ и ободреніе, укрѣпленіе и утѣшеніе, иначе ты не найдешъ ихъ нигдѣ. А для умовъ и сердецъ, въ невѣдѣніи и похотѣхъ своихъ силящихся *испразднити крестъ Христовъ*, самъ живоносный Кресте, *буди крѣпость и побѣда, злыхъ помысловъ погашеніе, ума сохраненіе, страстей очищеніе, жезлъ правоты* (Кан. Кресту, п. 3 и 9)!

Архимандритъ Сергій.

ЛѢТОПИСЬ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ.

Къ всеславянскому празднеству 6-го апрѣля. — Для празднованія тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія образована Славянскимъ благоворительнымъ Обществомъ особая коммисія, которою выработана программа, въ духовной части получившая одобреніе Св. Синода.

Программа въ главныхъ частяхъ своихъ состоитъ въ слѣдующемъ: 6 апрѣля, въ субботу, Божественная литургія въ Исаакіевскомъ соборѣ совершается членами Святѣйшаго Синода, а въ другихъ церквахъ мѣстнымъ духовенствомъ, съ торжественными молебствіями святымъ Кириллу и Меѳодію. Во время богослуженія произнесены будутъ съ церковныхъ каѳедръ приличныя торжеству проповѣди. По окончаніи богослуженія, какъ 5, такъ и 6 апрѣля, въ Исаакіевскомъ соборѣ членами Славянскаго благотворительнаго Общества будутъ безплатно раздаваться изданныя Обществомъ жизнеописанія святыхъ первоучителей славянскихъ Килилла и Меѳодія и ихъ изображенія. Въ брошюрѣ помѣщено прекрасно исполненное хромолитографированное въ нѣсколькихъ тонахъ изображеніе св. Кирилла и Меѳодія, у подножія ихъ надпись: «Первоучителіе словѣнскіе». Рисунокъ сдѣланъ художникомъ Микѣшинымъ. 6-го апрѣля воспитанники и воспитанницы столичныхъ учебныхъ заведеній будутъ освобождены отъ учебныхъ занятій для посѣщенія въ этотъ день церковнаго торжества. Во всѣхъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, будутъ устроены торжественныя въ стѣнахъ заведенія засѣданія (акты), съ

произнесеніемъ соотвѣтствующихъ торжеству рѣчей, съ чтеніемъ жизнеописаній св. Кирилла и, Меѳодія, и, гдѣ представится возможность, съ вокальными и инструментальными концертами. 7-го апрѣля, въ воскресенье, днемъ, Славянское благотворительное Общество устраиваетъ въ Михайловскомъ манежѣ общедоступный концертъ, съ участіемъ хоровъ военной музыки и пѣвчихъ. Въ этотъ же день, вечеромъ, состоится торжественное засѣданіе Общества (засѣданіе предполагается въ залѣ дворянскаго собранія или въ городской думѣ). Въ это же время въ Соляномъ городкѣ и въ другихъ пунктахъ будутъ устроены народныя чтенія съ туманными картинами, объясняющими значеніе чествуемыхъ святыхъ. Подробности предстоящаго торжества будутъ еще разработапы въ предстоящихъ собраніяхъ Сславянскаго Общества.

Въ воскресенье, 10-го февраля, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей, происходило чтеніе для народа «о Кириллѣ и Меѳодіѣ, св. апостолахъ славянскихъ», по брошюрѣ, приготовленной Славянскимъ благотворительнымъ Обществомъ для раздачи народу въ день предстоящаго празднованія памяти св. Меѳодія, 6-го апрѣля. Громкое, оживленное чтеніе предсѣдателя коммиссіи по устройству народныхъ чтеній И. П. Хрущова, сопроводавшееся 25-ю прекрасно исполненными и ярко освѣщенными Друммондовымъ свѣтомъ картинами, изображавшими различныя событія изъ жизни св. Кирилла и Меѳодія и виды Солуня, Херсонеса и другихъ мѣстностей, посѣщенныхъ ими,—заинтересовало всѣхъ присутствовавшихъ. Многіе выражали желаніе, чтобы это чтеніе было неоднократно повторено.

— *По дѣламъ церковно-приходскихъ школъ*.—Какъ сообщаетъ «Церковно-Общественный Вѣстникъ», постановленіе Св. Синода объ учрежденіи при немъ особаго присутствія или «Совѣта» по дѣламъ церковно-приходскихъ школъ, о чемъ сообщалось нами въ 3 № нашихъ «Вѣдомостей», уже удостоилось Высочайшаго утвержденія. Предсѣдателемъ Совѣта назначенъ преосвященный Палладій, епископъ Тамбовскій, помощникомъ предсѣдателя—управляющій канцеляріею св. Синода В. К. Саблеръ, членами—д. ст. с. Аннинъ и Крыжановскій, и членомъ-дѣлопроизводителемъ—В. И. Шемякинъ. Масса дѣлъ и вопросовъ по организаціи церковно-приходскихъ школъ должна будетъ восходить на разсмотрѣніе этого центральнаго управленія. Самую главную отрасль дѣлъ здѣсь будетъ составлять подробное распредѣленіе денежнаго кредита между епархіями на мѣстныя церковно-приходскія школы. Собразно развитію и распространенію послѣднихъ, и кредитъ съ каждымъ годомъ долженъ распредѣляться иначе. Церковно-приходскія школы раздѣлены нынѣ на разряды: 1) на домашнія крестьянскія школы грамотности съ однимъ учителемъ, 2) одноклассныя школы съ законоучителемъ и учителемъ и съ двухлѣтнимъ

курсомъ и 3) двухклассныя—съ законоучителемъ и 2 учителями. Изъ числа всѣхъ школъ, предположено содержать домашнія школы грамотности и отчасти одноклассныя церковно-приходскія школы исключительно на мѣстныя средства. Что же касается образцовыхъ одноклассныхъ и всѣхъ двухклассныхъ школъ, то содержаніе ихъ будетъ отнесено на средства казны. земства и частныхъ благотворителей. Вѣдомство св. Синода, въ предѣлахъ своего ежегоднаго бюджета, можетъ отпускать нынѣ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, до 100,000 рублей въ годъ. Съ ожидаемымъ же повсемѣстнымъ учрежденіемъ этихъ школъ, предполагается испросить такую же сумму на ежегодное содержаніе ихъ и изъ средствъ государственнаго казначейства.

— *Юбилей «Православнаго Обозрѣнія»*. — 17-го февраля Московское духовенство торжественно праздновало 25-лѣтній юбилей редакторской дѣятельности издателя духовнаго журнала «Православное Обозрѣніе», протоіерея П. А. Преображенскаго. Юбиляръ получилъ множество поздравленій и привѣтственныхъ телеграммъ отъ разныхъ лицъ и учрежденій дух. вѣдомства, отъ дух. академій Петербурга и Казани, отъ редакцій дух. журналовъ, отъ нѣкоторыхъ епископовъ и многихъ другихъ лицъ.

Редакторъ *Д. Тихомировъ.*

Дозв. цензурою. 1885 г. 1 марта. Ректоръ семинаріи, *Архимандритъ Сергій.*

Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.